

В. Е. КАЙГОРОДОВА

Новый человек и вечные ценности в повестях М. Горького 1900-х годов *

Среди многочисленных и разноголосых откликов на повесть «Мать» М. Горький, как известно, отметил воспроизведенную позднее в литературном портрете оценку, данную В. И. Лениным: «Книга нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают “Мать” с большой пользой для себя» (XX, с. 9)¹. Не останавливаясь на «недостатках» (общеизвестно, что сам Горький позднее оценивал повесть недостаточно критически), писатель выделяет как особо значимое для понимания произведения положение о его дидактической направленности. Это качество текста было отмечено не только Лениным. А. Амфитеатров характеризует «Мать» как «роман-программу», «роман-пропаганду», текст «учительного типа»: «“Мать” — наглядное беллетристическое руководство, как рабочий социал-демократ должен вести себя во всех случаях жизни»². К. И. Арабажин в «Этюдах о русских писателях» пишет о «тенденциозном» произведении: «Оно преследует скорее дидактико-пропагандистские цели <...>. Горький пробует дать нам образцово-пролетарский роман»³.

«Мать» действительно построена логически-прямолинейно. Все этапы идеального (не «несознательного, стихийного») формирования личности передового рабочего представлены здесь последовательно и детально. Показательно, что реализация кодекса пролетарского революционера начинается с изменения обыденного поведения героя, проявления в нем самоуважения и внимания к близким. Книга учит быть, как Павел: для начала бросить пить, заботиться о чистоте тела,

* Впервые: Этические принципы русской литературы и их художественное воплощение. Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1989. С. 107–115.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький М.* Полн. собр. соч.: Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976, — с указанием тома и страниц в скобках.

² *Амфитеатров А.* Современники. М., 1908. С. 101, 103.

³ *Арабажин К. И.* Этюды о русских писателях. СПб., 1912. С. 134.

не сквернословить, помогать матери. И только наряду с этим: читать книги, ходить в театр, посещать кружки, руководимые интеллигентами. Затем, осознав свою роль в обществе, организовать для товарищей кружок, где политическая агитация будет сочетаться с общекультурным развитием, печатать и распространять листовки, пытаться взять в собственные руки процесс стихийной экономической забастовки и т.д.

Изначальная обращенность к нравственным проявлениям человека на бытовом уровне неслучайна. С нее начинается в повести утверждение пролетариата как наследника великих нравственных ценностей, в частности, тех ценностей христианства, которые стали неотъемлемой частью морали общечеловеческой. В этом программное положение этики Горького, сформированное всем его предшествующим развитием, особым местом писателя в русской литературе начала XX века. «Гомер босой команды»⁴ воспринимался как выразитель идеологии и морали революционного пролетариата. От него ждали и даже требовали учительного слова и пролетарии. Ф. Калинин дал точную формулировку такого отношения к литературе в статье, посвященной рассказам «Мордовка», «До последнего» и повести «Мать»: «Интеллигентный рабочий выносит на своих плечах не только огромную задачу общественной борьбы, но и вынужден заново определить все свои отношения к миру, выковать свою душу <...> в соответствии с самым высоким идеалом, какой когда-либо ставил человек на земле»⁵.

«Мать» — ответ на подобные запросы (поэтому писателю так близка оценка Ленина) и в то же время акт полемики, реакция Горького на распространенные обвинения в сокрушении его героями традиционных моральных основ. Как «поднимающаяся сила хамства, оскорбляющая вечную эстетику и вечную этику»⁶, охарактеризованы, например, Н. Бердяевым в «Революции и культуре» программные горьковские «Заметки о мещанстве» (1905). Повести 1900-х гг., примыкающие к ним очерки и статьи — предъявление основных постулатов этики сознательного пролетария, размышление о человеке низов, пробужденном к действию революцией, его отношении к общепринятым этическим нормам и о том, каким предстает в контексте новых культурных и социально-классовых явлений нравственный облик современного капитализма. Обобщенным воплощением этой проблематики становится появление в прозе Горького библейских образов и мотивов, их принципиальная значимость в художественном мире писателя.

⁴ Русский листок. 1900. № 320. 19 нояб.

⁵ Калинин Ф. Тип рабочего в литературе (Мысли рабочего) // Новый журнал для всех. 1912. № 9. С. 106.

⁶ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 146–155.

Построенная как учебник революции повесть «Мать» в качестве одного из элементов обобщающей мысли о действительности включала аналогию событий, происходящих в безвестной рабочей слободке, с евангельской легендой о Матери и Сыне. При постановке русской литературой начала XX в. столь характерных для нее глобальных вопросов евангельские, шире — библейские — образы присутствовали постоянно, масштабность времени и событий часто осмысливалась при помощи подобных сравнений (А. Ремизов, Д. Мережковский, Л. Андреев и др.). Однако в многочисленных откликах на «Мать» библейская проекция не была отмечена критикой, скорее всего, вследствие ее органичности в тексте, обусловленности равно восприятием событий воспитанной в православной традиции вдовой рабочего Пелагеей Власовой и объективно-авторской оценкой изображаемого. Для Ниловны с Христом связаны понятия любви, добра, справедливости, нравственной чистоты. Отсюда постоянно возникающее у нее сравнение деятельности молодых революционеров с крестным путем: «...для всех нас, для младенцев наших обрекли себя на крестный путь» (VIII, с. 163). Чаще всего в сознании матери мысли о Спасителе совмещаются с думами о дороге сына. В них едины судьба конкретного рабочего парня и образ, имеющий вневременное, общечеловеческое содержание. Вне зависимости от степени религиозности героини мысли о сыне постоянно включают, например, мотив предстоящей телесной муки. Павел вступает на путь борьбы — у матери возникает дума о грядущих мучениях именно его тела. Ей видится, как палачи «рвут тело, ломают косточки» (VIII, с. 82); после ареста Ниловна представляла себе «тело сына, избитое, изорванное, в крови» (VIII, с. 70). Неоднократно повторяется этот мотив в сцене суда: «...матери почему-то казалось, что они <судьи> все говорят о теле ее сына» (VIII, с. 321). Собственная роль в происходящих событиях представляется героине в той же образной системе. Во сне, который Ниловна видит после разгрома первомайской демонстрации, мать Павла Власова предстает в ситуации мадонны, приносящей в жертву людям свое дитя: «Она дала ему грудь и воротилась назад, а на кургане уже стояли солдаты, направляя на нее штыки» (VIII, с. 168); «Мать уронила ребенка под ноги людей» (VIII, с. 169).

Сопоставление пути матери и сына с библейской историей существует и в авторском сознании. Одним из внешних знаков вступления Павла на путь революционной борьбы становится появление в его комнате картины, изображающей воскресшего Христа, идущего в Эммаус (VIII, с. 15). Павел читает Библию. Мать постоянно видит перед собой лицо сына, «худое, спокойно-решительное, ясное, с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа на пути в Эммаус» (VIII, с. 105).

Функция библейской проекции в романе двойка. Являясь своеобразным комментарием происходящих событий, еще раз поясняя их,

история страданий Спасителя, с одной стороны, призвана донести до неискущенного читателя мысль о правоте и общечеловеческой природе дела Павла и его друзей. В то же время ее присутствие в тексте — одно из многих средств укрупнения масштабов повествования, соотнесения жизни главных героев с вечными темами, образами мирового искусства. Тем самым моральные ценности прогрессивного рабочего ставятся в ряд с общехристианскими. Не отрицателем, наследником гуманистической традиции в одном из ее наиболее общих выражений выступает коллективный образ пролетариев в повести.

Этот мотив подчеркнут появлением в творчестве Горького 1905–1907 гг. постоянной аналогии капитала (капитализма) с дьяволом, «желтым дьяволом». Появившись еще в «Заметках о мещанстве», данный символ античеловеческого воплощается в антропоморфизированном урбанистическом пейзаже «Города Желтого Дьявола» (1906), в главах «Матери». В разнообразной палитре горьковской прозы и публицистики с миром хозяев связаны серый (пыльный), желтый (жирный) цвета, животное (звериное) начало. Цветовая, звуковая символика капитала стягиваются к центральному образу хищного зверя-дьявола, «желтого дьявола».

Символическое выражение поляризации социально-этических начал существует как внутри произведений 1900-х гг., так и между ними. В «Матери» носителям животворящих идей Павлу и его товарищам противостоят солдаты — «серая стена однообразных людей без лиц» (VIII, с. 157), фабрика, ждущая свои жертвы, «с равнодушной уверенностью <...> освещая грязную дорогу десятками жирных квадратных глаз» (VIII, с. 7), судьбы, чьи «неживые желтые и серые лица ничего не выражали» (VIII, с. 312). Герою-революционеру «Матери» (начало Христа) полярен главный персонаж «Жизни ненужного человека» (первая половина 1907 г., Капри), чей путь предателя соотносится с историей Иуды. Здесь библейская проекция более лаконична. Она нечто вроде схемы сюжета, судьбы Евсея Климкова, центральные события которой — поиски веры, измена (кульминационный момент, с включением и мотива Каина — предательство двоюродного брата Якова), самоубийство от сознания ничтожности и бессмысленности существования. Сам Горький (повесть писалась на Капри параллельно с «Иудой Искаротом» Леонида Андреева) определил связанность истории героя с библейским сюжетом в письме к И. П. Ладыжникову от 7 февраля 1907 г.: «Андреев заканчивает повесть “Иуда”. Я пишу повесть “Шпион”. Литература!»⁷

Любопытна авторская характеристика «Жизни ненужного человека» как произведения, необходимого в цепи творческих задач, замыслов

⁷ Лит. наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 425.

этого периода. Л. Андрееву, 1907 г.: «Написал “Шпиона”. Вышло длинно и скучно, но я не огорчился — написать эту вещь нужно было, она мешала мне»⁸. В системе прозаических повествований о русской революции этот текст — о темных ее сторонах. Обобщенный характер повести выразился и в конечной смене названия «Шпион» на «Жизнь ненужного человека», равномаштабного «Матери» — истории нахождения себя в революционной борьбе, а также «Исповеди» — повести о духовных исканиях в годы безвременья.

Рассматривая место библейских образов в «Матери» и «Жизни ненужного человека», необходимо отметить, что смысловое наполнение их остается у Горького традиционным, созвучным закрепившимися в народной нравственности понятиями. Сами образы и ситуации общеизвестны. Горький был знатоком библейских текстов⁹, и в строгом отборе их одно из проявлений стремления писателя к доступности, демократизму собственных созданий, сколь сложные формы ни использовались бы в них. В 1905 г. пишет В. В. Розанову: «Правда — проста, все великое просто, народ прост, как небо, с ним нужно говорить хорошими твердыми словами, одевая истину, нарочно спрятанную от него, в огонь, в пафос»¹⁰.

Это качество Горького-художника, стремление к утверждению традиционных нравственных норм особенно заметно в сопоставлении с модернизированным пониманием сути библейских ситуаций, наполнением их иным смыслом у Л. Андреева («Иуда Искарот», «Бен Товит» и др.), опошлением вечных тем в бульварной литературе, что привлекало позднее особое внимание писателя (статья «О современности», 1912). Из письма Л. Андрееву, 1912 г.: «Говоря о культе Иуды <...> речь идет о писателях улицы, как они опошляют большие идеи»¹¹.

Соотнесение жизни современников с библейским эпизодом принадлежит в «Матери» сознаниям героини и авторскому, в «Жизни ненужного человека» на него проецируется сюжетная схема текста. В «Исповеди» (1908), повести сложной, по-разному оцениваемой самим автором, к созданию подобного расширительного толкования должен быть подведен непосредственно читатель. Прямые аналогии с некоторыми евангельскими ситуациями, имеющиеся в тексте, были прочитаны по-разному. Повесть была воспринята и как пародия на Библию,

⁸ Там же. С. 298.

⁹ *Треплев А.* Максим Горький на Волге // О Горьком — современники. Сб. воспоминаний и статей. М., 1928. С. 64.

¹⁰ М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования. М., 1957. С. 56.

¹¹ Лит. наследство. Т. 72. С. 338.

произведение антирелигиозное, в частности, антихристианское¹², и как текст житийный. Непосредственно после выхода «Исповеди» появляются и ее краткие пересказы, адресованные верующим, не содержащие каких-либо литературоведческих комментариев¹³.

К появлению тех и других толкований есть ряд причин. Это, во-первых, своеобразие характера и судьбы Матвея. Духовная наполненность образов главных героев, интеллектуальная насыщенность произведения характерны для всех названных выше повестей. Автор нигде не сосредоточивается на быте, не конкретизирует место, протяженность действия во времени. Внимателен он прежде всего к внутреннему миру персонажей в его движении, подробно «стенографирует» идеологические дискуссии героев «Матери» и «Жизни ненужного человека». Но даже в ряду повестей 1900-х гг. «Исповедь» отличается сугубым вниманием автора к идейным позициям героев и только к ним. К. Чуковский иронически заметил: «Не успеет он (Матвей) подойти к человеку, а тот ему всю свою формулу и выложит»¹⁴; иначе как сентенциями люди у него почти не объясняются <...>. У каждого идея наружу, как вывеска на лабазе»¹⁵. В. Гофман отмечает: «...отрицательные и положительные тезисы одеты здесь в костюмы людей и выводятся в известной обстановке»¹⁶. По мнению А. Арабажина, «новые босяки не совсем похожи на прежних. Это какие-то чистенькие, благородные, умильные, кротко-благочестивые люди»¹⁷.

Особая «необытовленность» отличает Матвея, что сразу было отмечено критикой: «...период любви, брака <...> художник изображает по-андреевски, быстро расправившись со всем прошлым. Ему нужно, чтобы Матвей снова остался одиноким и чужим для всех, но уже с душой, растравленной грехом и страданием»¹⁸. Особая значимость истории

¹² Свящ. Колосов Н. «Исповедь» Максима Горького перед судом православного читателя. М., 1909. С. 25: «Ненависть к православию и ко всему церковному <...> в повести страшная».

Свящ. Руфимский П. Основные мотивы творчества Максима Горького. Казань, 1908. Главная мысль: Горький — «проповедник пролетарского индивидуализма». Свящ. Слуцкий И. Смысл жизни человека по произведениям Андреева, Сологуба, Горького, Метерлинка и решение его в Христианстве. Харьков, 1910. С. 4: герои Горького «ни Бога не боятся, ни людей не стыдятся».

¹³ Георгиевский Г. И. Религиозные искания Максима Горького. Пятигорск, 1909; Странник Лука (Гиг). Религия Максима Горького (по его «Исповеди»). Азов, 1909.

¹⁴ Чуковский К. И. Книга о современных писателях. СПб., 1911. С. 196.

¹⁵ Там же. С. 198.

¹⁶ Гофман В. Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. Кн. XXIII. СПб., 1908 // Русская мысль. 1908. № 8. С. 168.

¹⁷ Арабажин К. Этюды о русских писателях. СПб., 1912. С. 142.

¹⁸ Львов В. Новая вера (по поводу «Исповеди» М. Горького) // Образование. 1908. № 7. С. 24.

Матвея для всех, заявленная в первых строках произведения: «Позвольте рассказать жизнь мою <...> знать ее надобно вам» (IX, с. 221), — подчеркнута композицией «Исповеди»: «Матвей <...> раза четыре или пять рассказывает всю свою жизнь разным лицам»¹⁹. Эпизоды этой жизни, особенно после ухода из монастыря, вызывают совершенно определенные аналогии. Таинственно происхождение героя. Он безродный бедняк, «крапивник, подкидыш» и в то же время аристократ обличьем: «Хорошая кровь в тебе горит <...>. По лицу твоему да по коже — кроме характера — из господ, видать!» (IX, с. 230). Возраст его в момент «воскресения» — тридцать три года. Главные вехи поиска новой веры в ряде случаев имеют прямые библейские аналогии. Эпизод с грешницей-утешительницей Татьяной вызывает в памяти историю Марии Магдалины. Сюжет этот возникает в ее (Татьяны) разговоре с Матвеем: «Я Евангелие знаю и Марию Магдалину помню» (IX, с. 267). Символичен приход героя на Исетский завод. «Туда и посылал меня старик... Не хочу туда... Хожу по деревням... Спрошу: куда дорога? — на Исетский завод... И вдруг заметил для себя решил: пойду на завод» (IX, с. 349). Еще современники отмечали особенности изображения рабочего кружка на заводе «в духе первохристиан», среди которых Михайла, приобщающий Матвея к основным постулатам новой веры, выглядит современным Иоанном Предтечей. С ситуацией Нагорной проповеди связан эпизод встречи с Иегудиилом и восприятие услышанных от него откровений. Реальные детали — Урал; несомненное авторское в идеях Иегудиила: так Горький подписал, например, сказку 1905 г. «Мудрец» — сочетаются с экзальтированным тоном рассказчика и подчеркнута торжественной обстановкой: «Ночь лунная, окружают нас черные тени, лес над нами молча в гору идет, и над вершинами гор — меж ветвей — звезды блестят, точно птицы огненные» (IX, с. 340). Слова же, обращенные к людям после свершения чуда в Седьмиозерной пустыни, критик-служитель церкви определил как «кощунственное молитвенное исповедание веры, пародию на первую заповедь»²⁰. Подобные ситуации и мотивы, «страстность тона»²¹, яркий язык, «действительно напоминающий язык псалмов Давида»²², вызывали в сознании современной критики жанровые аналогии, свидетельствующие о важности этих эпизодов для понимания смысла повести и в то же время о ее, в частности, проповеди героя, удаленности от со-

¹⁹ Львов В. Максим Горький // На рубеже (к характеристике исканий). Критический сб. СПб., 1909. С. 153.

²⁰ Свящ. Колосов Н. «Исповедь» Максима Горького перед судом православного читателя. С. 13

²¹ Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 191.

²² Львов В. Максим Горький. С. 169.

временных социальных проблем: «сказка-быль»²³, «песня язычника»²⁴, «романтическая сказка»²⁵, «вещи Лескова в евангельском духе»²⁶.

Подобно «Матери», «Исповедь» имеет отчетливую антицерковную направленность, выраженную, в частности, в эпизодах пребывания Матвея в монастыре. Ситуации Библии не являются в повести морально-этической аналогией. Они изображаются происходящими в сегодняшнем мире, хотя наполняются иным идейным смыслом, зачастую противоположным каноническому. Поэтому цельная проекция на евангельский сюжет в сознании читателя не выстраивается, распадаясь, как и рассказ о жизни Матвея, на ряд фрагментов. В данном случае Горький утрачивает характерную для него в предыдущих вещах ясность и простоту значения символов. Многообразие ассоциаций, их неоднозначность делают произведение, при всей подчеркнутой установке на учительность, усложненным. В трактовке библейских понятий Горький сближается, по мнению современников, с сектантами²⁷, со старообрядцами²⁸. Воскресение Матвея Вяч. Иванов оценил как «соборный внутренний опыт христианской мистерии»²⁹, А. Блок и Георгий Чулков сблизили смысл «новой религии» Матвея с обожествлением Вечно-женственного: «...как можно любить мать, сестру и супругу в едином лице родины — России»³⁰; «Максим Горький влюблен в народную массу, как Дон Кихот в Альдонсу: для него она прекрасная Дульцинея»³¹.

Анализируя творчество Горького Ленин писал о его стремлении «оперировать робинзоновскими понятиями вообще, а не определенными классами определенной исторической эпохи»³². К числу «робинзоновских понятий» может быть отнесено и прямое повторение сегодня ситуации первохристианства, выдвижение новых религиозных образов, являющихся не общекультурным знаками сложившихся морально-этических представлений, а символом веры, создаваемой группой интеллектуалов для поколения пролетарских революционеров.

²³ Фриче В. Исповедь странника // Вестник жизни. 1918. № 1. С. 40.

²⁴ Луначарский А. Двадцать третий сборник «Знания» // Литературный распад. Кн. 2. Критический сб. СПб., 1909. С. 98.

²⁵ Львов-Рогачевский В. Снова накануне. М., 1913. С. 101.

²⁶ Измайлов А. Русский человек на духу (новые произведения Максима Горького) // Образование. 1908. № 7. Отд. III. С. 11.

²⁷ Бугаев Б. На перевале // Весы. 1908. № 9. С. 62.

²⁸ Львов-Рогачевский В. Снова накануне. М., 1913. С. 100.

²⁹ Иванов Вяч. О русской идее // Золотое руно. 1904. № 2–3. С. 91.

³⁰ Блок А. Россия и интеллигенция // Золотое руно. 1908. № 1. С. 80.

³¹ Чулков Г. Покрывало Изиды. М., 1909. С. 162.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

«Лето» (1909), один из набросков не осуществлённой повести «Сын»³³, — итоговое произведение о революции 1905 г. Рассказ об умонастроениях деревни, духовных исканиях крестьян ведётся от лица революционера. В повести сохраняется возвышенность тона³⁴, почти полное отсутствие быта³⁵. Показательно, что носителем христианской идеи является самый молодой из членов подпольного кружка, Ваня Малышев, «паренек из старой раскольничьей семьи». Он «сидит над библией», убеждает товарищей, что «это книга народная», «древняя правда, самим народом одуманная» (IX, с. 308). В конце повести звучит мотив грядущего воскресения — поэтическая аналогия процессов, происходящих, по мнению героя, в народной толще: «Хорошо, светло горит моё сердце, и хочется мне кричать во все стороны сквозь снежную тяжёлую муть: “С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!”» (IX, с. 513).

Стремление укоренить мораль нового человека в сложившихся категориях ее — одна из причин последующих обращений Горького к евангельским образам. Их появление в прозе писателя уже традиционно связывается с годами революционного подъёма, произведениями о пролетариате и для него. Это «Сказки об Италии» (1911–1913), позднее, в конце 1917 г. — намерение, зафиксированное во «Встречах» Вяч. Шишкова³⁶: «Еще одну вещь хочется написать, последнюю. Но так написать, чтоб... — он чмокнул концы сложенных щепоткой пальцев и, вскинув руку, сделал над головой спиральный жест. — И назову “Его родня”. Тема у меня такая есть, полубиблейская, про родственников Христа.

— Апокриф?

— Да, апокриф. Но необычайно интересный. В социально-историческом аспекте можно взять. Любопытно, страсть любопытно. Но только надо все выточить, все отчеканить, придать вещи стройную архитектонику, чтоб вещь была отличной. Напишу, тогда и умирать можно. А пока не напишу, не умру».

³³ Десницкий В. М. Горький. Л., 1940. С. 263.

³⁴ Бельский Е. И. Повесть М. Горького «Лето». Омск, 1970. С. 64.

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ Шишков Вяч. Встречи // Горький и Сибирь. Письма, воспоминания. Новосибирск, 1961. С. 313.